

Сяргей Шапран

...Не тузайся, не апраўдайся, нічога нікому
не тлумач. Тыя, што цябе ведаць,
усё зразумець бяз слоў,
а хто ня ведае, таму не растлумачыш...

«Удар проста ў сэрца»

Старонкі кнігі «Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах»

Знаёмства Васіля Быкава і Аляксандра Салжаніцына адбылося яшчэ напярэдадні IV з'езду СП СССР у маі 1967 году. Пасьля Быкаў даслаў на дзень народзінаў Салжаніцына віншаваньне і неўзабаве атрымаў ліст у адказ:

21 января 1968 г.

Дорогой Василий Владимирович!

Благодарю Вас за Ваше дружеское поздравление. Откликаться новогодне уже поздно, но послать добрые пожелания никогда не поздно, — и я с удовольствием посылаю их Вам и Вашим (моим) друзьям! Да будете Вы здоровы, бодры и светлы, успешны в работе!

Хотя мои дела по видимости из рук вон худы (в декабре остановили набор «Рак[ового] корпуса» в «Н[овом] мире» и т. д.) — настроение очень бодрое, хорошее. Я знаю и вижу, что мы вступаем в светлые времена.

Працяг.
Пачатак
у № 6 (25),
і №1-6 (26-31),
№1 (32).
Часопісны
варыянт.

Обнимаю Вас!
И Алексея, и А. М. тоже.¹
*Ваш А. Солженицын.*²

В. Быкаў пазьней прыгадае: «Адносіны тады паміж інтэлігенцыяй і ўладамі ўсё пагаршаліся, і Аляксандр Ісаевіч суцяшаў, што ўсё будзе добра. Што ён глядзіць у будучыню з аптымізмам»³.

У 1970 г. Шведская акадэмія прысуджае А. Салжаніцыну Нобелеўскую прэмію, з якой яго віншуе ў тым ліку і В. Быкаў. «Солженицын был воодушевлен, но также крайне обеспокоен масштабами поднятой против него газетной и политической кампании, крайне осложнявшей его жизнь и повседневные контакты. Он решил отказаться от поездки в Стокгольм на церемонию вручения премий и некоторое время не знал, как себя вести и что делать».⁴ Але для Салжаніцына было зробленае выключэнне — цырымонія ўручэння Нобелеўскай прэміі павінна была адбыцца ў Шведскай амбасадзе ў Маскве, запрашэнне на якую Аляксандр Ісаевіч даслаў у тым ліку і Быкаву:

3 апреля 1972 г.

Дорогой Василий Владимирович!

Шведская Академия присылает своего постоянного Секретаря г. Гирова для вручения мне нобелевских знаков. Пользуясь тем, что эта церемония, обычно происходящая в Стокгольме, на этот раз произойдет в Москве, я приглашаю на нее самых видных представителей художественной и научной интеллигенции, во всяком случае тех, чье творчество я знаю и могу оценить, из писателей — подлинных, творчески сильных.

Мне было бы очень приятно видеть на этой церемонии Вас.

С искренним расположением

*А. Солженицын.*⁵

І раней (прыкладна з 1964 г.), і тым больш у гэты час Салжаніцын знаходзіцца пад пільным наглядом КДБ, кіраўнік якога Ю. Андропаў наступным чынам характарызаваў пісьменьніка: «Комитет госбезопасности располагает материалами, которые свидетельствуют о том, что в лице СОЛЖЕНИЦЫНА мы имеем дело с политическим противником советского государственного и общественного строя. Ненависть СОЛЖЕНИЦЫНА к Советской власти, его попытки бороться с ней прослеживаются на протяжении всей его сознательной жизни, в разное время, отличаясь лишь методами, степенью активности и возможностями распространения своих чуждых социализму взглядов»⁶. «Западная печать уже давно называла Солженицына «видным лидером оппозиции в СССР»⁷, а кіраўнік Галоўліта П. Раманаў яшчэ ў 1971 г. пісаў у «Информационной справке Главлита в ЦК КПСС о содержании западной печати, освещающей положение советской интеллигенции, и о политике КПСС в области литературы и искусства», што «в настоящее время роль «путеводной звезды» либеральных сил в советской литературе, которой ранее объявлялся А. Твардовский, буржуазная пропаганда твердо отвела А. Солженицыну, характеризуя его как «политического борца за гражданские пра-

¹ А. Н. Карпюка і А. М. Адамовіча.

² ДМГБЛ. КП 10735/788.

³ Быкаў В. Доўгая дарога дадому. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2003. С. 387.

⁴ Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. М.: Время, 2004. С. 13.

⁵ ДМГБЛ. КП 10735/786.

⁶ Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1994. С. 340—341.

⁷ Медведев Р. Из дискуссий прошлых лет. 1974—1976 годы // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 275.

ва», «барометр жизни советского общества», «борца за социализм чехословацкого типа» и т. п.»¹

Іншы «аб'ект» пільнай увагі КДБ — бацька вадароднай бомбы акадэмік Андрэй Сахараў, які на пачатку 70-х г. «...стал теперь главной фигурой в правозащитном движении, которое становилось более радикальным, чем в 60-е годы, но также подвергалось и более сильному давлению со стороны властей».² Невыпадкова «...в 1970-1973 годы вопрос о Сахарове и Солженицыне обсуждался на Политбюро почти ежемесячно. О Солженицыне все выступавшие говорили с негодованием как о «враге народа», требуя привлечь его к самой суровой ответственности — отправить в самые далекие исправительные лагеря, посадить в тюрьму, в крайнем случае выслать за границу. Однако это были все же годы «разрядки» и окончательное решение каждый раз откладывалось. Так, на заседании Политбюро ЦК от 30 марта 1972 года председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный говорил: «Солженицын ведет враждебную деятельность. Он враг, который не может жить в Москве. Но я считаю, что и выселять его за границу не следует. [...] Он лауреат Нобелевской премии, и это конечно, буржуазная пропаганда использует против нас в полной мере. За границей Солженицын принесет нам большой вред. Но в Советском Союзе есть такие места, где он не сможет ни с кем общаться». На другом заседании советский премьер Алексей Косыгин предложил сослать Солженицына в Верхоянск — в самый холодный район страны, куда ни один западный корреспондент не сможет и не захочет поехать.

Об А. Д. Сахарове говорили все же по-другому. Тот же Подгорный: «Что касается Сахарова, то я считаю, что за этого человека нам нужно бороться. Он другого рода человек. Это не Солженицын. [...] Все же Сахаров трижды Герой Социалистического труда. Он создатель водородной бомбы»³.

Як сьведчыў В. Бакацін⁴, КДБ у той час вельмі пільна адсочвае кожны крок абодвух, «используя все мыслимые контрразведывательные средства — слежку, прослушивание телефонных и всех иных разговоров, разработку связей и т. д. Свидетельство тому — 550 томов дела оперативной разработки по Сахарову и 105 томов — по Солженицыну [...]»⁵.

Абодва — Салжаніцын і Сахараў — даўно расцэньваюцца савецкімі ўладамі як зацятыя антысавецыкі. І недарэмна — Сахараў неаднойчы апелюе да савецкага кіраўніцтва, напрыклад, яшчэ ў 1970 г. піша на імя Брэжнева, Касыгіна і Падгорнага ліст з аналізам недахопаў савецкага ўладкаваньня і 14 патрабаваньнямі пашырэння дэмакратыі; у 1973 г. публічна папярэджвае пра зыходзячую ад СССР пагрозу міжнароднай бясьпецы. І таму Брэжнеў падчас пасяджэньня Палітбюро гаворыць, што Сахараў «ведет антисоветскую, антигосударственную линию и что если он не прекратит этих действий, то мы вынуждены будем принять меры в соответствии с советскими законами»⁶. Андропоў называе А. Сахарава «душевнобольным человеком» і піша ў дакладной у ЦК КПСС: «Сахаров, который в отличие от Солженицына более сдержан в своих потугах доказать «неприемлемость Советского строя», тем не менее определенно деградирует в сторону антисоветизма.

По существу оба они, не объединяясь формально, действуют довольно согла-

¹ История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М.: РОС-СПЭН, 1997. С. 582, 583.

² Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын. С. 13.

³ Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын. С. 20-21.

⁴ Вадзім Бакацін — міністр унутраных справаў СССР (1988-1990). Старшыня КДБ СССР (1991).

⁵ Бакатин В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992. С. 33.

⁶ Кремлевский самосуд. С. 329.

сованно, подыгрывая западным реакционным кругам, а в ряде случаев выполняют их прямые заказы.

Естественно, что империалисты, нашедшие в Солженицыне и Сахарове людей, которые в силу сложившихся обстоятельств пока еще могут безнаказанно лаять на Советскую власть, лезут из кожи вон, чтобы сохранить им такую возможность как можно дольше. В свою очередь и Солженицын, и Сахаров, подбодряемые реакцией на Западе, ведут себя все более разнузданно¹. И таму «в августе 1973 года, отметив, что в поведении Солженицына и Сахарова не произошло никаких «улучшений», а Солженицын стал «развертывать активную политическую деятельность, объединяя вокруг себя всех бывших заключенных и недовольных», Политбюро рекомендовало начать против Солженицына уголовное дело и «предъявить ему обвинение в преступлении против Советской власти». Напэўна, немалаважную ролю ў гэтым адыграе тое, што КДБ удалося, як дакладваў Андробаў, «добыть рукопись его книги «Остров Гулаг». Это грубое антисоветское сочинение»², якое аўтар планаваў друкаваць на Захадзе толькі ў 1975 г. і якое ён сам лічыў — пра што было вядома КДБ з праслухоўваньня кватэраў, дзе бываў пісьменьнік, — галоўным аргументам сваёй абароны, Салжаніцын гаварыў: «...Если они возьмут меня по-серьезному или вызовут по-серьезному объяснить, скажут: «Мы с вами то-то сделаем», я им скажу: «Господа! Вам это обойдется дороже. [...] ...если только вы меня возьмете, начнут появляться такие вещи, перед которыми «Иван Денисович» померкнет»³. Да таго ж, як паведамляў 27 жніўня кіраўнік КДБ, «...26 августа 1973 года СОЛЖЕНИЦЫН встретился в Москве на квартире своей жены с корреспондентами американского агентства «Ассошиэйтед пресс» и французской газеты «Монд», которым передал текст своего нового интервью. Как установлено, СОЛЖЕНИЦЫН весь текст интервью подготовил заранее, написав его собственноручно в форме им самим сочиненных вопросов и ответов.

Лейтмотивом всего интервью является клеветническое утверждение СОЛЖЕНИЦЫНА об отсутствии гражданских свобод в Советском Союзе и о систематических мерах, якобы осуществляемых государством по подавлению мысли в стране. [...]

Публикацию интервью СОЛЖЕНИЦЫН обусловил на 28 августа 1973 года.

По мнению западных корреспондентов, СОЛЖЕНИЦЫН этим интервью преследует цель создания трудностей советской стороне в проведении второго этапа общеевропейского совещания по вопросам безопасности»⁴.

Что же касается Сахарова, то Политбюро рекомендовало начать публикацию разного рода писем «от имени ученых и интеллигенции» с осуждением его поведения»⁵...

Мы так падрабязна распавядаем пра тыя даўнія падзеі (у якіх імя Васіля Быкава ніякім чынам не фігуруе), каб чытач мог уявіць атмасферу тых дзён, каб было зразумела, што нічога ніадкуль проста так не бярэцца, і наступныя падзеі (у якіх нечакана ўзьнікае і быкаўскае імя) былі абумоўленыя тым, што адбывалася напярэдадні, прычым адбывалася не адзін год, сітуацыя пастаянна абмяркоўвалася і вырашалася на самым «версе». Між тым «крытыкі» Васіля Быкава (а дакладней — яго ганіцелі) будуць, што называецца, вырываць асобны факт з агульнага кантэксту, ніяк не зважаючы на тое, што яму папярэднічала; больш за тое, не адно дзесяцігоддзе яны будуць абвінавачваць Быкава нават у тым, да чаго ён ня меў

¹ Кремлевский самосуд. С. 332.

² Там жа. С. 246.

³ Медведев Ж. Из воспоминаний об А. С. Солженицыне // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 88.

⁴ Кремлевский самосуд. С. 240-241, 244.

⁵ Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын. С. 21.

дачыненьня. І ўсё толькі з-за таго, што быў у біяграфіі беларускага пісьменьніка адзін факт, размова пра які пойдзе далей...

29 жніўня 1973 г. у газеце «Правда» зьяўляецца «Письмо членов Академии наук СССР» наступнага зместу:

В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время.

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя. В своих высказываниях он по существу солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А. Д. Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран.

Деятельность А. Д. Сахарова в корне чужда советским ученым. Она выглядит особенно неприглядно на фоне концентрации усилий всего нашего народа на решение грандиозных задач экономического и культурного строительства СССР, на укрепление мира и оздоровление международной обстановки.

Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А. Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями.

Академики: *Н. Г. Басов, Н. В. Белов, Н. Н. Боголюбов, А. Е. Браунштейн, А. П. Виноградов, С. В. Вонсовский, Б. М. Вул, Н. П. Дубинин, Н. М. Жаворонков, Б. М. Кедров, М. В. Келдыш, В. А. Котельников, Г. В. Курдюмов, А. А. Логунов, М. А. Марков, А. Н. Несмеянов, А. М. Обухов, Ю. А. Овчинников, А. И. Опарин, Б. Е. Патон, Б. Н. Петров, П. Н. Поспелов, А. М. Прохоров, О. А. Реутов, А. М. Румянцев, Л. И. Седов, Н. Н. Семенов, Д. В. Скобельцын, С. Л. Соболев, В. И. Спицын, В. Д. Тимаков, А. Н. Тихонов, В. М. Тучкевич, П. Н. Федосеев, И. М. Франк, А. Н. Фрумкин, Ю. Б. Харитон, М. Б. Храпченко, П. А. Черенков, В. А. Энгельгардт.*

Аднак у ЦК КПСС лічаць, што гэтага ліста будзе не дастаткова — «может быть, в какой-то форме опубликовать материалы, осуждающие поведение Сахарова, и от имени других ученых, рабочих, представителей интеллигенции»¹. Тады ж узьнікае размова і пра А. Салжаніцына (пытаньне ставяць члены Палітбюро Касыгін і Андропаў):

30 августа 1973 г.

Сов. секретно

Экз. единственный

(Рабочая запись)

Председательствовал тов. КИРИЛЕНКО А.П.

Присутствовали т. т. Андропов Ю. В.,

Косыгин А. Н., Кулаков Ф. Д.,

Мазуров К. Т., Полянский Д. С.,

Демичев П. Н., Долгих В. И.,

Капитонов И. В., Катушев К. Ф.

После заседания Политбюро т. Кириленко говорит о том, что письмо ученых

¹ Кремлевский самосуд. С. 245.

относительно Сахарова сыграло большую роль. Но если на этом остановиться и не поддержать этих ученых, то не получится должного эффекта. Может быть, в какой-то форме опубликовать материалы, осуждающие поведение Сахарова, и от имени других ученых, рабочих, представителей интеллигенции. Но в этом отношении надо соблюсти строгую меру.

КОСЫГИН говорит о том, что наши люди не знают, что за Сахаров и о чем он писал. Поэтому, может быть, стоило бы опубликовать статью о Сахарове.

КИРИЛЕНКО ставит также вопрос о том, что, может быть, следует подготовить небольшую информацию для секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии о Сахарове, Солженицыне и процессе над Якиром и Красиным.

Члены Политбюро поддерживают это предложение.

Поручается т. т. Демичеву и Капитонову рассматривать и решать вопросы, связанные с публикацией материалов о Сахарове, с учетом состоявшегося на заседании Политбюро обмена мнениями, а также подготовить текст информации для ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии.

КОСЫГИН говорит о том, что нам нужно принять более строгие меры в отношении Сахарова. Пусть т. Андропов подумает о дальнейших шагах в этом отношении. Все больше и больше активизует свою деятельность Солженицын.

АНДРОПОВ. Это замечание справедливое. Выясняется, что Сахаров все же душевнобольной человек, но надо было бы с ним поговорить прямо и, может быть, даже поговорить с ним кому-то из руководящих товарищей [...].

Солженицын сейчас разворачивает активную политическую деятельность, объединяет вокруг себя бывших заключенных, всех недовольных. Он дал антисоветское интервью корреспонденту газеты «Монд». Нам удалось добыть рукопись его книги «Остров Гулаг». Это грубое антисоветское сочинение, написанное Солженицыным еще в 1965 году и предназначавшееся к публикации после его смерти. Мы будем вызывать Солженицына и предъявлять ему обвинение в преступлении против Советской власти.¹

Ўжо на наступны дзень у «Правде» публікуецца ліст савецкіх пісьменьнікаў, якія абураюцца паводзінамі ўжо ня толькі Сахарова, але і Салжаніцына. Пад тым лістом значылася і прозьвішча Быкава:

Уважаемый товарищ редактор!

Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии наук СССР относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма.

Советские писатели всегда вместе со своим народом и Коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба — веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны. В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику «холодной войны», не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения.

Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Быков, Р. Гамзатов, О. Гончар, Н. Грибачев, С. Залыгин, В. Катаев, А. Кешоков, В. Кожевников, М. Луконин, Г. Марков, И. Мележ, С. Михалков, С. Наровчатов, В. Озеров, Б. Полевой, А. Салынский, С.

¹ Кремлевский самосуд. С. 245-246.

Сартаков, К. Симонов, С. С. Смирнов, А. Софронов, А. Сурков, М. Стельмах, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, К. Федин, Н. Федоренко, А. Чаковский, М. Шолохов, С. Щипачев.

Васіль Уладзіміравіч памятаў гэтую гісторыю ўсё сваё жыццё, — невыпадкова тая публікацыя з «Правды» зьберагалася ў ягоным сталё ў працоўным кабінёце. Але чаму менавіта Быкаву так настойліва, на працягу трыццаці гадоў, нагадвалі пра той ліст, хоць пад ім значылася імёны ня менш вядомых пісьменьнікаў (дарэчы, некаторыя літаратары нават шкадавалі, што ня трапілі ў спіс падпісантаў таго ліста). Лісты супраць А. Сахарова друкаваліся ў «Правде» (ды і ня толькі там) не адзін дзень. Напрыклад, тады ж, 31 жніўня, у «Правде» пад агульным загалоўкам «Отповедь клеветнику» і пасля рэдакцыйнага ўступу («В редакцию «Правды» поступают многочисленные отклики читателей, поддерживающих письмо членов Академии наук СССР о недостойном поведении академика А. Д. Сахарова [...]. Сегодня мы публикуем часть этих откликов») былі надрукаваныя лісты акадэміка Н. Цыцына («Неприятно писать о людях, потерявших честь и совесть. [...] Как все эти деяния Сахарова можно назвать? Мне трудно сделать это, так как я не знаю, есть ли такое слово в человеческом обращении») і акадэміка Героя Сацыялістычнай Працы Н. Яругіна («Мне очень хорошо понятны гнев и возмущение выдающихся советских ученых, которые решительно осудили недостойное поведение академика Сахарова. Могу с уверенностью сказать, что под письмом членов Академии наук СССР готовы подписаться все советские люди»). Ужо 1 верасьня «Правда» друкуе «Письмо членов ВАСХНИЛ» (пад ім — трыццаць тры прозьвішчы); 2 верасьня — «Заявление ученых Сибирского отделения Академии наук СССР» (дваццаць прозьвішчаў); 3 верасьня — ліст савецкіх кампазітараў і музыказнаўцаў: «Мы глубоко возмущены поступками А. Д. Сахарова, не совместимыми с высоким званием советского гражданина и деятеля нашей науки. Его публикации в западной печати позорят честь и достоинство советской интеллигенции [...]»; тут жа імёны Дз. Кабалеўскага, Г. Сьвірыдава, С. Тулікава, А. Хачатурана, Ц. Хрэньнікава, Дз. Шастаковіча, Р. Шчадрына, А. Эшпая ды іншых. 4 верасьня друкуюцца лісты рабочых, калгаснікаў і членаў Акадэміі мастацтваў СССР. 5 верасьня пад лістом «Позиция, чуждая народу» («[...] Только гнева и презрения достоин тот, кто чернит свою страну, свой народ, пытается повернуть историю вспять») значацца прозьвішчы Р. Аляксандрава, А. Алава, В. Артманэ, С. Бандарчука, С. Герасімава, М. Данскога, В. Жалакявічуса, А. Згурьдзі, Л. Куліджанава, Я. Матвеева, Ю. Озерава, Ю. Райзмана, Г. Рашаля, В. Ціханова, В. Санаева, І. Хейфіца, Л. Чурсіной, С. Юткевіча ды іншых. Нікому з іх не ўспаміналі пасля гэтае «падпісаньне» гэтак, як нагадвалі Быкаву. Хоць са шматлікіх допісаў кіраўніка ҚДБ і сакрэтных запісаў Палітбюро бачна, што «правдінскі» ліст насамрэч ні ў якім разе ня быў лёсавызначальным ні для А. Сахарова, ні для А. Салжаніцына — гэта быў толькі адзін маленечкі ход у вялікай гульні ҚДБ і Палітбюро ЦК КПСС. Тым ня менш шмат пазьней І. Залатускі напіша: «Это был удар прямо в сердце. С Быковым случилось то, что случилось в его же повестях с его героями. Авторы этой подлой акции решили «ликвидировать» писателя Быкова, потому что с таким клеймом он был уже не Быков»¹.

Сам Васіль Уладзіміравіч пазьней вельмі падрабязна распавядзе пра гісторыю зьяўленьня свайго прозьвішча пад згаданым лістом:

«Паляваньне на пэўных пісьменьнікаў прадаўжалася, і я зьехаў у Маскву. Там нейкі час туліўся на гасьціннай кватэры Грышы Куранёва. Цэжоўцы і кадэбісты шукалі мяне ў Горадні і Менску, у Маскве мяне было не знайсці. А некаторыя масквічы ў той час зьязджалі ў іншыя гарады. Бакланаў, напрыклад, тыдзень ці

¹ Золотусский И. Знак беды: Три встречи с Василем Быковым // Литературная газета. 2004. 23-29 июня.

болей інкогніта жыў у Ленінградзе ў рэжысёра Хейфіца. Яго таксама дужа шукалі. Каб запэцаць і выкарыстаць.

Але колькі дзе ні хавайся, урэшце мусіш вярнуцца дадому. Вярнуўся і я. Трохі пажыў на кватэры, туляючыся, бы злачынца.

А праз колькі дзён пазванілі з Менску, клікалі, каб ехаць у Магілёў. [...]

У Магілёве былі нейкія выступы і сустрэчы з удзелам вялікае групы беларускіх пісьменьнікаў на чале з Іванам Шамякіным. Пасьля абеду паехалі на галоўнае магілёўскае прадпрыемства — капралактамавы камбінат. Пашвэндаўшыся па цэхах, зайшлі ў кабінет дырэктара, дзе той, як звычайна, пачаў распавядаць пра посьпехі прадпрыемства. У сярэдзіне яго расповеду расчыняюцца дзверы і элегантна апрануты мужчына пытаецца: «Хто тут Быкаў? Тэрмінова выклікае Менск». Я спалохаўся — ці ня здарылася кепскае дома — і выйшаў з кабінету. Аказалася, трэба ехаць у абкам да прамога проваду. Машына і шафёр чакаюць. Прадчуваючы кепскае, пайшоў да машыны.

У пустым кабінэце першага (быў выхадны) чамусьці доўга ня ладзілася з тэлефонам, мабыць, злучалі з рознымі абанентамі. Нарэшце далі трубку, у якой я пазнаў голас аднаго тагачаснага беларускага цэкоўца. Ён ветліва і ціха паведаміў, што ў ЦК КПСС ёсьць ліст слынных дзеячоў культуры, якія рашуча асуджаюць падрыўную дзейнасьць Сахаравы і Салжаніцына. Ад Беларусі той ліст падпісаў Мележ, трэба, каб быў і подпіс Быкава. Я сказаў, што той ліст не чытаў, таму падпісваць яго не магу. Ён сказаў, што то мая справа, але ён павінен папярэдзіць аб магчымых наступствах. Я, не разьвітаўшыся, паклаў трубку і выйшаў з кабінету.

Тая ж машына адвезла мяне на хімкамбінат, але пісьменьнікі адтуль ужо зьехалі. Да гатэлю я дабіраўся самапасам. А як прыехаў, ці ня ўсе мае калегі сядзелі перад тэлевізарам, глядзелі праграму «Время». Знаёмая дыктарка якраз чытала той самы ліст з «Правды», дзе група савецкіх пісьменьнікаў асуджала Сахаравы і Салжаніцына. З асаблівай інтанацыяй пералічыла падпісантаў, у тым ліку і мае прозьвішча. Мае калегі ажывіліся, некаторыя павярнуліся да мяне. Іван Чыгрынаў моўчкі, але выразна паціснуў руку. Іншыя нядобра нахмурыліся. Я быў разгублены і падаўлены...»¹

Але ёсьць і іншыя сьведчаньні — дзеньнікавыя запісы Д. Сімановіча, успаміны Дз. Бугаёва, А. Карпюка, А. Пяткевіча:

31 жніўня 1973 г.

Другі дзень выязнага пленуму Саюзу пісьменьнікаў Беларусі ў Магілёве. Выступалі ў адной з Быкавым брыгадзе на камбінаце сінтэтычнага валакна. [...]

Калі сядзелі ў кабінэце дырэктара камбіната, Быкава выклікалі ў абкам партыі. Утрох з Генадзем Бураўкіным і Анатолям Вярцінскім удвары камбіната чакалі яго вяртаньня.

Ён вярнуўся расхваляваны і замучаны. Коротка расказаў, што па тэлефоне з ім гаварылі з ЦК КПБ. У рэдакцыі «Правды» падрыхтавана пісьмо вядомых савецкіх пісьменьнікаў з асуджэньнем Сахаравы і Салжаніцына. Пад пісьмом сярод іншых яго подпіс.

«Але ж я не чытаў і ня ведаю, што падпісваю», — сказаў Быкаў. І пачуў: «Мы раім не прырэчыць. Заўтра ў «Правде» прачытаецца».

Вечарам я зайшоў да яго ў нумар. І як раз у гэты час па радыё перадавалі «Апошнія паведамленьні». Пачыналіся яны інфармацыяй пра пісьмо савецкіх пісьменьнікаў: «...Паводзіны такіх людзей, як Сахараў і Салжаніцын ня могуць выклікаць ніякіх іншых пачуцьцяў, акрамя асуджэньня...» У канцы ішлі тры дзясяткі подпісаў: Айтматаў, Бондараў, Быкаў... Сіманаў... Шолахаў...

— Хоць кампанія неблагая... — сумна пажартаваў Быкаў. — Але як я буду глядзець у вочы Салжаніцыну, у вочы сяброў?

— Яны зразумеюць, што гэта ня ты рабіў...

¹ Быкаў В. Доўгая дарога дадому. С. 388-390.

² Сімановіч Д. ...І віцебскія вулкі // Наш Быкаў. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 295.

— Ці ўсе зразумеюць?.. Той, супраць каго пісьмо, што падумае пра мяне?.. Мы выйшлі на вуліцу. Да нас далучыліся Анатоль Вярцінскі і Генадзь Бураўкін. Усе нашыя размовы былі вакол адной тэмы — пісьма...²

Пасьля тэлефоннай размовы з менскімі цэкоўцамі наконт подпісу Васіль Быкаў вярнуўся ў залу, дзе пісьменьнікі працягвалі сьняданак, з сапсаваным настроем, абурэньня зробленай яму прапановай і тым, што ніхто яго прэрэчаньняў слухаць ня стаў, а проста паклалі тэлефонную трубку. Тады ж ён расказаў сваім сябрам, якія сядзелі з ім за адным сталом (я быў сярод іх), пра чарговае нахабства і дэалагічных наглядчыкаў¹.

Этого подлого письма Василь не видел и в глаза — свидетельствую перед судом вечности. Его сфабриковали в то время, когда Быков уехал на Могилевщину в командировку с Геннадием Буравкиным и другими литераторами. Но Василь был лишен возможности сообщить об этом миллионам своих читателей, ибо его протест не опубликовал бы в СССР ни один орган печати, а заграничным корреспондентам въезд в БССР был закрыт. [...]

...страшно было глядеть, до чего довели тогда Василя Быкова — нашу национальную гордость — разные политиканы, карьеристы и манипуляторы. Василь и так не отличался крепким здоровьем, а тут вдруг почернел, сделался худущим, даже голос изменился, стал каким-то тонким².

Мы былі недзе ў Ашмянах, і Быкаў са страшэнным болем расказаў, як за яго падпісалі ліст супраць Салжаніцына. Я тады спытаў:

— Васіль Уладзіміравіч, як Вы маглі?!

— Не паверыце, — кажа, — але я нічога не падпісваў..

Я сапраўды ня мог паверыць: як гэта можа быць? — чалавек не падпісаў, а прозьвішча яго пад лістом ёсьць!

— Вы яшчэ далёка ня ўсё ведаеце, што робіцца ў нашай апаратнай сістэме, — гаварыў Быкаў. — Гэта настолькі страшная сістэма, — тут усё могуць зрабіць, ні перад чым ня спыняцца!

Ён тады вельмі рэзка гаварыў. Праўда гэтая для мяне адкрывалася ўпершыню...

Быкаў тлумачыў наконт яго прозьвішча пад тым лістом:

— Мне пазванілі, сказалі, што мой подпіс ужо стаіць.

— Дык што ж цяпер рабіць?

— А нічога ўжо ня зробіш... (З гутаркі з А. Пяткевічам. Чэрвень 2005 г.)

Пра тое ж, што адбывалася далей, распавядаў сам В. Быкаў:

«Залыгіна застаў дома, ён пачуваўся ня лепшым чынам і ціха распавёў, што ўсё тое — вялікая правакацыя, учыненая Шаурам ды іншымі. Іх па адным выклікалі ў ЦК і там проста выкручвалі кожнаму рукі, дамагаючыся подпісу. Верныя партыйнай дысцыпліне камуністы-пісьменьнікі, хоць і неахвотна, змушаныя былі падпісаць. Залыгін жа, спаслаўшыся на сваю беспартыйнасьць, спрабаваў адмовіцца. Тады перад ім паставілі пытаньне: з кім ён — з імі ці з намі? Яны хутка апынуцца на лаве пасудных, як бы не далучылі да іх і вас. Залыгін толькі нядаўна перабраўся ў Маскву, атрымаў неблагую кватэру, меў нейкія літаратурныя і выдавецкія планы (пасля стаў галоўным рэдактарам «Новаго мира»), а тут такі зьверскі выбар. І ён падпісаў. «Але ж я не падпісваў!» — сказаў я. — «Ну дык ты ж — у правінцыі. У правінцыі ўсё прасьцей. І страшней», — сказаў Залыгін, які толькі месяц таму выбраўся з сібірскай правінцыі.

Мы доўга гаманілі і думалі ў той вечар. Я застаўся начаваць у Залыгіных. Вырасьлі прыдумаць, што заўтра. Найперш належала перапрасіць Аляксандра Ісаевіча. Зранку пачалі званіць па знаёмых. [...] Нехта з агульных знаёмых сказаў, што Аляксандр Ісаевіч зьехаў. Напэўна, за мяжу. Тут яго не знайсці. Тады я напісаў ліст у ЦК, Залыгін памагаў. Але ў ніводны пад'езд на Старой плошчы мяне

¹ Бугаёў Дз. Мужнасьць байца і душэўная далікатнасьць // Наш Быкаў. С. 187-188.

² Карпюк А. Прощание с иллюзиями: Хроника одного поколения // Нёман. 1993. № 5. С. 105.

не пусьцілі. Давялося аднесці ліст на пошту, адправіць заказным. Адказу на яго не атрымаў ніколі.

Пайшоў у часопіс, дзе працаваў Лазар [...]. Мудры Лазар мяне суцешыў: «Не тузайся, не апраўдвайся, нічога нікому не тлумач. Тыя, што цябе ведаюць, усё зразумеюць бяз слоў, а хто ня ведае, таму не растлумачыш. Хай застаюцца пры сваім».

Тым ня менш тлумачыць давялося — тады і пасьяля¹.

Між іншым, у адказ на нашае пытаньне, ці можа ён нешта дадаць да гэтага аповяду ў «Доўгай дарозе...», да той размовы з Быкавым, Лазар Лазараў даў лаканічны адказ: «Написал Быков об этом точно».

Да таго ж у сваёй апошняй кнізе Васіль Уладзіміравіч дадасць: «Пасьяля Аляксандра Салжаніцына выслалі з краіны, і я з ім не пабачыўся і не павініўся. Было дужа няёмка. Я праклінаў тых, што ўчынілі такое нялюдства... Шмат гадоў пасьяля адзін адказы працаўнік ЦК КПСС па шчырасьці растлумачыў мне, што тое было зроблена дзеля майго паратунку. Інакш яны змушаны былі б скіраваць мяне сьледам за Салжаніцыным»².

Праўда, што датычыцца Салжаніцына, дык ён, як успамінаў А. Карпюк, адразу пасьяля зьяўленьня ліста ў «Правде» нешта сказаў (ня выключана, у тым ліку і ў адрас асабіста Быкава), што менавіта — дазнацца цяпер немагчыма. «Еще больше Василя обидела фраза из выступления Солженицына по радио «Свобода». Как будто Александр Исаевич не знал, в каких Василь находится условиях, что может он сделать, а чего — нет. Объяснение этому могло быть лишь одно — Солженицын произнес эту фразу под горячую руку»³. Аднак пасьяля Аляксандр Ісаевіч, здаецца, ніколі не папікаў ні Быкава, ні кагосьці іншага з «падпісантаў», — ва ўсялякім выпадку нічыхіх прозьвішчаў ён не называе ні ў аўтабіяграфічным творы «Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни»⁴, ні ў напісаным пазьней вялікім артыкуле «Потемщики света не ищут»⁵. Толькі двойчы Аляксандр Ісаевіч успамінаў пра той ліст, аднак без прэтэнзіяў да кагосьці асобна: «Вся сегодняшняя газетная свистопляска, в которую вкружились именитые деятели искусств (а другие с твердостью отреклись, и идет молва об их мужестве), — вся эта кампания есть бой против совести народа, против правды для народа»⁶. Артыкул гэты датаваны лютым 1974 г. У «Бодался теленок с дубом» чытаем: «Буря в газетах, удары по Сахарову больше, но сыпались и по мне, объединяют два имени наших и на Востоке, и на Западе. Достаются мне удары уже плашмя, с его плеча, а по другому понять — как гонка за лидером: главное сопротивление среды преодолеть ему, а я под-сохраняю свои силушки. И того не стыжусь: мой бой — впереди, мои-то силы — все, все еще пригодятся. (А впрочем, гудит западное радио десятикратно в день: преследования, гонения на Солженицына, — а я этих гонений не замечаю пока, тьфу-тьфу-тьфу, нешто это гонения по сравнению с лагерной жизнью? Того, что в наших газетах гавкают, — я этого не читаю, для нервов зэка пустое дело. А остальных гонений с меня и не ослабляли никогда. Я к ним притерпелся.)»⁷. Да слова, аб тым жа, па сутнасці, напіша пасьяля і Аляксей Карпюк, калі будзе распавядаць пра адну сустрэчу з Салжаніцыным, якая адбылася на пачатку 70-х: «Вскоре Солженицын прислал мне свою пьесу с просьбой передать Макаёнку.

¹ Быкаў В. Доўгая дарога дадому. С. 390-391, 392.

² Там жа. С. 392.

³ Карпюк А. Прощание с иллюзиями: Хроника одного поколения // Нёман. 1993. № 5. С. 105.

⁴ Новый мир. 1991. № 8.

⁵ Комсомольская правда. 2003. 23 окт.

⁶ Солженицын А. На возврате дыхания. М.: Вагриус, 2004. С. 195.

⁷ Новый мир. 1991. № 8. С. 41.

Познакомившись с рукописью, смелый Андрей Егорович взялся ее напечатать в своем журнале «Неман». И, конечно, напечатал бы. Но пьесу в последнюю минуту пришлось снимать — постарались доморощенные доносчики, которых хватало в каждой редакции. Теперь я привез рукопись в Москву, чтобы вернуть автору.

Мне повезло. Днем в «Новом мире» встретил самого Солженицына и с комментариями рукопись отдал. Разговорились. Меня удивило, что отказ в напечатании пьесы абсолютно не тронул автора. И вообще, складывалось впечатление, что Солженицына, которого враги чернят в газетах, все это абсолютно не волнует. Он настолько был уверен в себе, что принялся рассказывать последние анекдоты, ходившие о нем в Москве.

Отчего, скажите, не быть уверенным в себе, если на твоей стороне весь мир?»¹

Невядомая ніводная пастано́ва Палітбюро аб высылцы А. Салжаніцына, у якой згадваўся б «правдінскі» ліст, — усе рашэньні Палітбюро ў дадзеным выпадку грунтаваліся на звестках КДБ аб тым, што пісьменьнік зьяўляецца аўтарам «грубога антисоветского сочинения» «Архипелаг ГУЛАГ»², а таксама на тым, што «Солженицын, в прошлом занимавшийся литературной деятельностью, за последние годы под влиянием западной пропаганды и особенно после получения им Нобелевской премии, встал на путь деятельности, которая по советскому законодательству подпадает под соответствующие статьи Уголовного кодекса»³. Больш за тое, як вядома, ён быў высланы ў лютым 1974 г., аднак «проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о «выдворении Солженицына из пределов СССР» и лишении его советского гражданства» быў падрыхтаваны ў КДБ яшчэ ў лістападзе 1970 г. «Желание избавиться от писателя было настолько велико, что Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и Андропов поясняли в одной из записок секретарям ЦК КПСС: «Проживание Солженицына в стране после вручения ему Нобелевской премии укрепит его позиции и позволит активнее пропагандировать свои взгляды... Выдворение Солженицына из Советского Союза лишит его этой позиции — позиции внутреннего эмигранта и всех преимуществ, связанных с этим»⁴. Паставіўшы гэта пытаньне ў чарговы раз у 1973 г., старшыня КДБ Андропав у записцы на адрас ЦК КПСС прапанаваў зьявіцца да кіраўніцтва шэрага краінаў з наступнай заявай: «Советское правительство, руководствуясь гуманными побуждениями и имея в виду, что на иждивении СОЛЖЕНИЦЫНА имеются четыре малолетних сына, считало бы возможным заменить привлечение его к уголовной ответственности выдворением за пределы советского государства. По желанию СОЛЖЕНИЦЫНА члены его семьи могли бы свободно последовать за ним». Дзеля чаго «...предлагалось поручить послам СССР в Швеции, Швейцарии, Дании, Ливане официально обратиться к правительствам этих стран с просьбой предоставить Солженицыну въездную визу в указанные страны»⁵. Незразумела толькі, дзе тут, як пазьней на-ракалі Васілю Уладзіміравічу, «приложил руку и Быков»?

У 2003 г. з Рускага грамадскага фонду А. Салжаніцына прыйшоў адказ на наш зварот да пісьменьніка, — яго сакратар Муніра Уразава пісала: «По поручению Александра Исаевича отвечаю на Ваше письмо.

Александр Исаевич несколько не в обиде на В. В. Быкова, С. П. Залыгина и

¹ Карпюк А. Прощание с иллюзиями. С. 99.

² Кремлевский самосуд. С. 246.

³ Там жа. С. 347.

⁴ Медведев Р. Из книги «Неизвестный Андропов» // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 398.

⁵ Кремлевский самосуд. С. 344-345, 346-347.

других за подписи под осуждающим его письмом. Он всегда понимал условия, в каких они находились».

У сваю чаргу Сяргей Навумчык — які таксама зьвяртаўся да Салжаніцына — спасылаючыся зноў жа на М. Уразаву, гаварыў, «што да гісторыі 1973 году, дык Аляксандар Ісаевіч перадаў, што не трымае за душой супраць Васіля Уладзіміравіча ніякай крыўды. Ён ведае, якім чынам зьяўляліся подпісы пад лістом, і што Быкаў, які, напрыклад, Сяргей Залыгін, ня меў да гэтага ліста ніякага дачынення, хаця некаторыя падпісалі той ліст, і падпісалі з ахвотай. Да Быкава Салжаніцын ставіўся і ставіцца добра»¹.

Сёньня ў жывых засталіся толькі тры пісьменьнікі, чыя прозьвішчы значацца пад «правдінским» лістом: Ч. Айтматаў, Ю. Бондараў і С. Міхалкоў. Мы зьвярнуліся да першага з просьбай прыгадаць абставіны жнівеньскіх дзён 1973 г. Чынгіз Тарэкулавіч адказаў: «Я был тогда очень огорчен, но лично я ничего не подписывал, и никто ко мне по этому поводу не обращался, не звонил. Впервые я увидел это письмо на страницах газеты. Однако документа, под которым стояла бы моя подпись, нет и быть не может. В то время было в порядке вещей, когда под подобным письмом мог появиться набор фамилий известных людей, — этим занимались в отделе культуры ЦК КПСС. Что-то заявлять потом было уже поздно».

Яшчэ раней да С. Залыгіна зьвяртаўся Аляксандр Лукашук, які пасыла пісаў: «Я патэлефанаваў у Маскву Сяргею Залыгіну, імя якога таксама значылася пад тым лістом. Сяргей Паўлавіч сказаў, што, на жаль, ня можа аб тым гаварыць па тэлефоне, няблага, калі б я прыехаў у Маскву. Я хутка сабраўся і паехаў.

Я напісаў ліст Сяргею Залыгіну, які ў той час быў ужо рэдактарам «Новага міру». Праз пару тыдняў прыйшоў адказ на афіцыйным бланку часопісу.

«Калі б Вы пабачылі арыгінал таго дакумента, дык уведалі б, што майго подпісу там няма», — пісаў Залыгін»².

Што ж датычыцца Андрэя Дзьмітрыевіча Сахарава, дык ён напрыканцы 80-х падчас сваіх інтэрв'ю неаднойчы скажа, што Васіль Быкаў — сярод яго любімых пісьменьнікаў: «Я очень люблю вашего писателя Василия Быкова, с которым мы часто встречаемся и беседуем на съезде³. Считаю его подлинным писателем-патриотом, правдиво отражающим прошлое своего народа, его думы и надежды. Читая его книги, я получаю представление обо всех белорусах, я вижу, что это очень добрый, трудолюбивый и честный народ»⁴.

Аднак нельга тут яшчэ не ўгадаць аповед Ігара Залатускага, размова ў якім ідзе пра той ліст і непасрэдна пра Васіля Быкава:

«Как было доказать свою правоту, как рассказать о том, как все произошло? В печати тебе никто не даст этого сделать, а ходить по домам и объясняться с теми, кто до сей минуты верил в тебя — да разве это возможно?

Василь замкнулся. Представляю, на сколько звонков ему пришлось отвечать, на сколько вопросов на улице, в доме, где он жил. Завистники и ненавистники, тут же повылезшие из нор, потирали руки и высоко задирали носы: «Вот вам и Быков!»

Помнится, я вскоре послал ему письмо, где вспомнил Ялту, наши встречи, и поздравил его с наступающим Новым годом. Он тут же откликнулся. И его короткое, горькое письмо стоило мне о тоске и одиночестве, которые достигают такой пронзительности только у края отчаяния. «Только природа не изменяет», — писал он, и этим все было сказано»⁵.

Працяг будзе.

¹ Караткевіч В. Салжаніцын ведае, што Васіль Быкаў ня ўдзельнічаў у кампаніях супраць яго і кажа, што добра ставіцца да Быкава / Інт. з С. Навумчыкам на Радзье «Свабода» 20 жн. 2004 г. // www.svaboda.org

² Лукашук А. Васіль Быкаў: Лісты цяпер для мяне — манна нябесная... // Дзеяслоў. 2005. № 3 (16). С. 190.

³ Маецца на ўвазе зьезд народных дэпутатаў СССР, які праходзіў у 1989 г. у Маскве.

⁴ Горелик Е. Андрей Сахаров узнал Беларусь по книгам Быкова / Інт. с А. Сахаровым // Белорусская деловая газета. 2000. 25 апр.

⁵ Золотусский И. Знак беды: Три встречи с Василем Быковым // Литературная газета. 2004. 23-29 июня.